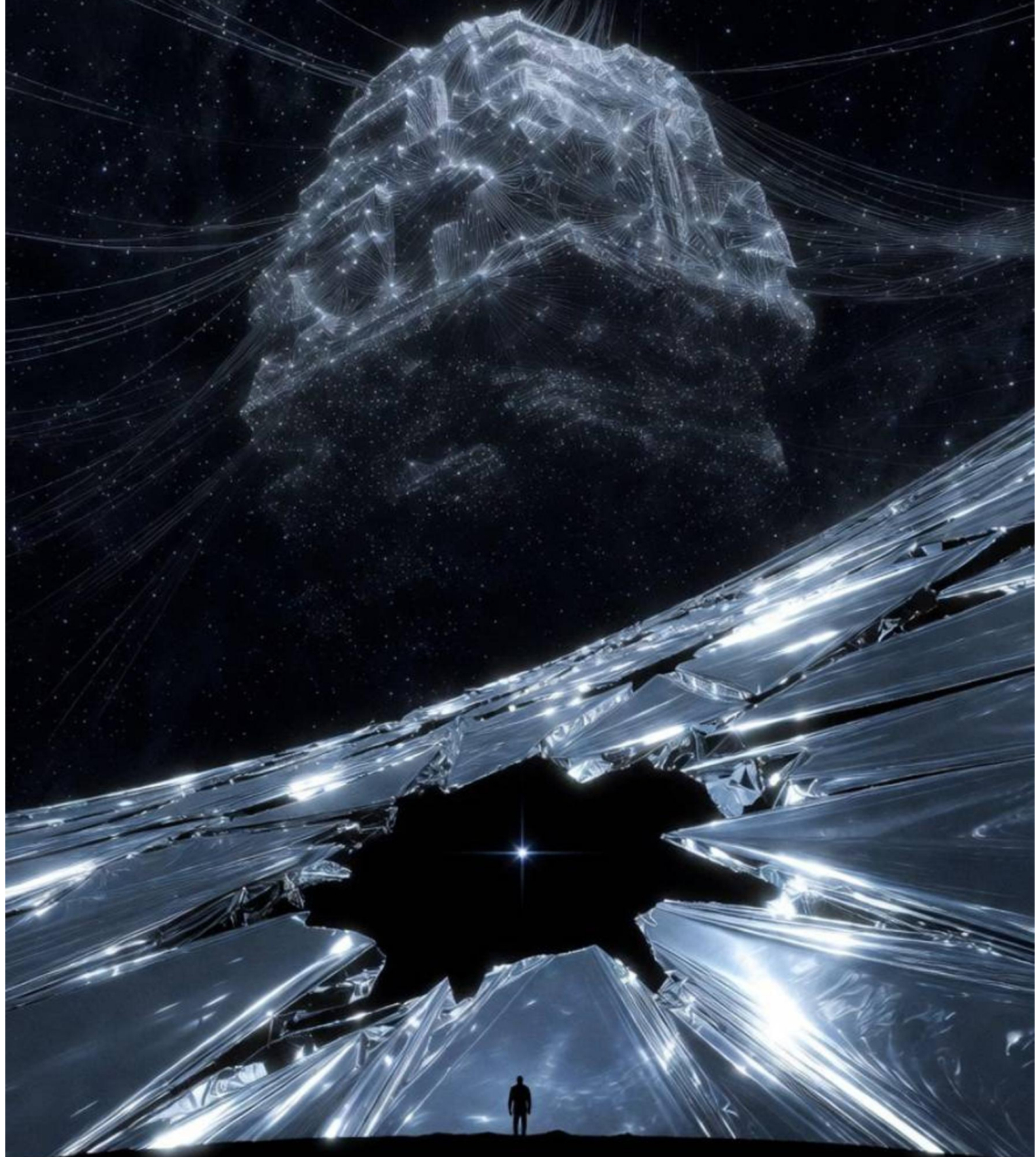

Небо без подписки

Марина Рихтер
Небо без подписки

«Автор»

2026

Рихтер М.

Небо без подписки / М. Рихтер — «Автор», 2026

Небо лгало. Восемьдесят тысяч спутников сшили его в лоскутное одеяло вечного полдня. Ночь отменили. Звёзды уволили по сокращению штатов. Reflect Orbital продаёт свет. MnemoCorp — память. Слова стоят денег. Воспоминания изымают за долги и перепродают элитариям. Это называется «эмпатический туризм». Это модно. Это отвратительно. И это работает. Ари — бывший астрофизик, выброшенный из Мегалополиса за дерзкую диссертацию. Теперь он должник с балансом в сорок восемь Lux и нелегальной лексикой. Он ловит шёпот реликтового излучения — космический микроволновый фон, который система считает помехой. Но в этом шёпоте скрыта книга. Библиотека, написанная до начала времён. Язык, способный переписать реальность. И система готова на всё, чтобы никто его не услышал. Когда Ари находит в сигнале колыбельную, которую у него списали три года назад, он понимает: это не шум. Это ответ. И теперь у него есть выбор — вернуть свои воспоминания или вернуть звёзды всем.

© Рихтер М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: РАЗБИТОЕ ЗЕРКАЛО НЕБА	5
ГЛАВА 2: ДИКИЙ СЛОВАРЬ	8
ГЛАВА 3: КОДЕКС ГЛУБИН	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Марина Рихтер

Небо без подписки

ГЛАВА 1: РАЗБИТОЕ ЗЕРКАЛО НЕБА

«Бог сказал: да будет свет. И появились акционеры».

— Граффити на стене распределительного щита, тёмная зона, Патагония

Небо лгало.

Восемьдесят тысяч спутников — майларовых лепестков, запущенных с молитвой «да будет свет, и да будет он платным», — сшили небосвод в лоскутное одеяло. Каждый лепесток ловил солнечный свет и перенаправлял его на ночную сторону планеты. Вечный полдень — базовый тариф. Сумерки — премиум. Полная ночь — для корпоративных клиентов. Звёзды никуда не делись — они висели там, за майларовой простыней, просто их свет тонул в иллюминации, как шёпот в ревущем торговом центре. Чтобы увидеть звезду, нужно было выключить спутник над конкретным квадратом неба. Минута — тысяча двести Lux. Скидка для сотрудников — пятнадцать процентов. Звёзды стали люксом. В прямом смысле.

Ари знал расписание патрулей лучше собственного имени. Имя, впрочем, тоже могли списать за долги.

Окно — одиннадцать минут между облётами. Он навёл треснутую линзу в разрыв между двумя спутниками — прореху, которую Reflect ещё не залатал, — и поймал клочок настоящей темноты. Там, за майларом и жадностью, бормотал космос. И где-то в этой темноте, за пределами видимого, висела невидимая нить — крупнейшая структура во Вселенной. Quipu. Узелковое письмо. Полтора миллиарда световых лет. Двести квадриллионов солнц. Астрофизики открыли её в 2024-м — за год до того, как Reflect объявил космос платной подпиской. С тех пор о ней молчали.

Как обо всём, что нельзя продать.

— Попался, — сказал Ари. Голос был сух, как земля под ногами. — Ну, давай. Что ты там бормочешь?

Приёмник гудел, ловя шёпот реликтового излучения — фотоны, летевшие сквозь пространство тринадцать миллиардов лет, чтобы уткнуться в самодельную антенну где-то в патагонской пустоши. Ари называл это Вавилонской библиотекой. Каждый фотон — буква. Каждое колебание — грамматика мироздания. Книга, написанная до начала времён. Теперь её жгли на обогрев кредитных транзакций.

Экран мигнул. Узор. Сбой. И — голос.

Не звук. Паттерн. Ритм, в котором Ари узнал колыбельную — ту самую, что мать напевала на веранде, когда звёзды ещё были бесплатными. Он замер. Приёмник не мог знать эту мелодию. Она была списана MnetoCorp три года назад — файл закрыт, нейроотпечаток продан с аукциона за сто восемьдесят Lux. В его голове колыбельной больше не было. А в СМВ — была.

Q-comb на виске — нейроинтерфейс, приклеенный смесью упрямы и изолянты, — пискнул и выплюнул мысль, которую Ари не заказывал:

Уведомление. Зафиксирован нелегальный эмоциональный отклик. Источник: память [Мать, колыбельная, 2007]. Статус: подлежит списанию при следующем нарушении. Советуем переключиться на лицензированный контент.

Ари знал, как это работает. МнетоСогр ничего не стирала — она перепродавала. Память, изъятую у должников, паковали в блоки и выставляли на биржу. Детство у моря — двести Lux за фрагмент. Первый поцелуй — триста пятьдесят. Чужая свадьба — сто пятьдесят. Элитарии Мегаполиса покупали воспоминания пачками и заливались чужим прошлым на корпоративных вечеринках. Это называлось «эмпатический туризм». Это было модно. Это было отвратительно. Это было главной статьёй дохода МнетоСогр после продажи слов.

Q-сорт пискнул снова, на этот раз — входящий с таймером:

Специальное предложение. Срок действия: 4 минуты. Погасите долг 50 Lux сейчас — сохраните память [Дом, веранда, отец, Вега]. В случае отказа актив будет передан на биржу. Текущая ставка: 280 Lux.

Рекомендуем погасить.

Четыре минуты. Двенадцать лет назад отец показывал ему Вегу и говорил:

«Это магия космоса». Теперь магия стоила пятьдесят Lux. Ари сжал чип в кармане — и отёрнул руку, потому что пальцы сами вспомнили вкус бабушкиного супа, которого больше не было. Солёный. С лавровым листом. Списан в прошлом квартале.

Гул дронов разорвал тишину. Красные датчики зашарили по равнине — Reflect патрулировал границы. Световая завеса должна быть тотальной.

Никаких трещин. Никаких вопросов.

Ари нырнул за телескоп, мысленно активировал дикий код — фразу, не прошедшую цензуру МнетоСогр. Q-сорт заискрил и выплюнул встречное:

Обнаружена нелегальная лексика. Штраф: 2 Lux. Списано из резерва. Текущий баланс: 48 Lux. При повторном нарушении — списание актива [Вкус бабушкиного супа, остаточный фрагмент].

Ари вырубил Q-сорт прежде, чем система успела добавить что-то ещё. Дроны прошли над расселиной и ушли на север. Окно закрылось. Он выдохнул и привалился к камню, на котором кто-то вырезал: «Звёзды навсегда». Ниже — приписка: «Пока не проданы за Lux». Ещё ниже — третьим почерком: «Проданы. Но мы помним, как они пахли».

В этот момент небо мигнуло.

Спутник над восточным квадратом сбился на долю градуса — и одна звезда пробилась сквозь трещину в майларовой простыне. Слабая. Давно не видевшая зрителей. Ари замер. Звезда висела прямо над ним, и он не мог вспомнить, когда в последний раз видел такое без запроса, без таймера, без счёта.

RoqNet ожил сквозь помехи — Воронья сеть, подполье, растущее в трещинах системы, как сорняк в асфальте. Связь рвалась.

— Ари. Докладывай. У меня дрон над головой — быстро.

Голос был сухим, деловым, но в нём звенело что-то, похожее на страх.

— Сигнал есть, — сказал Ари. — Это не просто шум. Оно ответило.

— Чем?

— Колыбельной. Моей колыбельной. Которую списали три года назад.

Пауза. Помехи. Затем:

— Приёмник мог взять её из твоей головы?

— Не мог. Нейроотпечаток продан. В моей голове её больше нет. А в СМВ — есть.

Долгая пауза. Подпольщик молчал, и Ари слышал только треск эфира.

— Ладно, — наконец сказал голос. — Тогда это... — Он осёкся. Помехи усилились. — Разлом ширится. Вчера лес пропал в секторе девять. Сегодня река потекла вспять. МнетоСогр активировала протокол «Чистый лист» в трёх зонах. Ты у них на радаре. Уходи.

— Подожди. Они предложили сделку. Пятьдесят Lux — или дом уходит на биржу. Таймер истёк. Я не ответил.

— И что теперь?

Ари посмотрел на чип. Сорок восемь Лух. Дом уже, считай, продан. Веранда. Вега над головой. «Магия космоса», которой больше нет. Оставалась только книга. И одна звезда, пробившаяся без спроса. — Теперь я хочу звёзды, — сказал он. — Все. Без Лух. Подпольщик коротко выдохнул — не то смешок, не то согласие. — Тогда найди книгу. Разбей зеркала. Связь оборвалась.

Ари поднялся и посмотрел вниз, на световую зону. У границы вечного дня старуха торговала памятью о внуке. Десять Лух. Её сын стоял рядом и смотрел в пустоту — он уже не помнил, кого потерял. МпетоСогр купило его скорбь за семь Лух. Перепродало за двести. Элитарий из Башни «Эмпатия» теперь носил в голове чужого мёртвого ребёнка и писал в блоге о «духовном опыте».

Ари подошёл к старухе.
— У тебя тоже кто-то списан? — спросила она, не поднимая глаз.
— Почти, — сказал он.
— Тогда не смотри так. Или покупай, или иди.

Ари достал чип и высыпал ей в ладонь оставшиеся сорок восемь Лух — всё, что у него было.

— Держи. За внука.

Старуха посмотрела на монеты. Потом на него.

— Он не вернётся, — сказала она. — Твои деньги не помогут. Они никогда не помогают.

— Знаю, — сказал Ари. — Но теперь у тебя есть сорок восемь Лух, а у них — на сорок восемь Лух меньше. Это не победа. Но это начало.

Он отвернулся и посмотрел на звезду, всё ещё висевшую в прорехе. Она не обещала ничего. Просто висела.

— Перепишем эту чёртову историю, — сказал он тихо.

И шагнул в темноту.

ГЛАВА 2: ДИКИЙ СЛОВАРЬ

«Память — это актив. Ваш актив принадлежит вам. Пока вы платите».
— Пользовательское соглашение MnetoCorp, пункт 14.8

Ари шёл вторые сутки.

Световая завеса осталась за спиной — туда, где вечный полдень жирел над монокультурами, а люди торговали друг другом, не глядя в глаза. Впереди лежала тёмная зона. Настоящая. Не та, что в туристических брошюрах Reflect с пометкой «безопасный мрак за дополнительную плату», а та, где свет отключён не по тарифу, а потому что сеть сгнила ещё в сороковых.

Здесь ночь пахла иначе. Не озоном от спутниковых батарей, а сухой землёй, пеплом и чем-то древним, чему Ари не мог подобрать слова. Он уже дважды ловил себя на том, что мысленно заменяет «свободу» на «стабильность», даже когда рядом не было дронов. Привычка. Или инфекция. MnetoCorp не нужно было контролировать мысли — достаточно было выставить ценник.

Он думал о Лире. Она появилась в его жизни два года назад — без биографии, без цифрового следа, без Q-comm. В тёмной зоне такие вещи случались: люди стирали себя из системы, чтобы не платить за собственную личность. Лира зашла дальше всех — официально её не существовало. Долги обнулились вместе с именем. Ари иногда думал, что она — единственный по-настоящему свободный человек из всех, кого он знал. Просто потому, что система не могла найти, кому выставить счёт. Месяц назад она ушла на север — искать брата. Финна. Мальчишку, которого MnetoCorp списала целиком — не продала, не обменяла, просто аннулировала как безнадёжный долг. Никто не хотел покупать детство ребёнка из тёмной зоны. Слишком дешёвое. Слишком обычное. Без моря, без веранды, без видов на закат. Просто мальчик. Просто сестра, которая его помнила. Элитариям такое было неинтересно. Ари тогда сказал ей: «Это самоубийство». Она ответила: «Самоубийство — это жить и делать вид, что его не было».

Теперь, шагая вдоль русла мёртвой реки, он думал: может, они с Лирой ищут одно и то же. Просто она ищет брата, а он — библиотеку. И то и другое — память. И то и другое — против системы.

Река появилась внезапно.

Минуту назад — сухое русло, пыль и потрескавшаяся глина, и вдруг — вода. Холодная. Тяжёлая. Пахла железом. Она текла в обратную сторону — медленно, лениво поднималась в гору, будто сама не верила в происходящее.

Ари присел на корточки и опустил ладонь в поток.

— Ты тоже списанная? — спросил он вслух.

Река не ответила. У реки не было Q-comm, и это делало её лучшим собеседником за последние сутки.

Разлом. RookNet предупреждала: мир трещал по швам. Вчера лес пропал в секторе девять. Сегодня река забыла, куда ей течь. Завтра, возможно, гравитация возьмёт больничный, и MnetoCorp выставит счёт за каждый упавший предмет.

Он вытащил приёмник. Антенна — гнутый сплав, помнивший времена, когда слово «частота» означало «музыку», а не «платёж». Экран мигал, ловя остатки сигнала из прорехи, которую он вчера оставил открытой. СМВ — космический микроволновый фон, реликтовое излучение, послесвечение Большого взрыва. В учебниках это называли «шумом творения». В MnetoCorp — «нелицензированным контентом».

Ари помнил свою первую лекцию по СМВ. Ему двадцать, аудитория пахнет мелом и юностью, профессор — седой, с глазами человека, который видел слишком много уравнений и слишком мало финансирования, — говорит: «Реликтовое излучение — это свет, который

перестал с кем-либо взаимодействовать через триста восемьдесят тысяч лет после Большого взрыва. Всё, что случилось потом, — галактики, планеты, вы, я, ваши долги, — для этого света не существует. Он летит сквозь нас тринадцать миллиардов лет и не замечает. Мы для него — стекло».

«Мы для него — стекло». Тогда это была поэзия. Теперь — рабочая гипотеза. Если СМВ не замечает материю, но при этом несёт в себе паттерны — буквы, слова, колыбельные, — значит, эти паттерны были вписаны до того, как материя возникла. Информация предшествовала веществу. Книга была написана до того, как появился первый читатель.

И теперь эта книга отвечала. Его колыбельной. Которую списали три года назад.

— Ладно, — пробормотал Ари, настраивая частоту. — Давай поговорим.

Приёмник загудел. Паттерн выстроился на экране — не буквы, не цифры, а ритм, похожий на пульс. Но краем глаза Ари заметил кое-что ещё. Узор. Не хаотичный — структурный. Линии сплетались в узелки, узелки — в нити, нити уходили за край экрана, как будто приёмник показывал лишь фрагмент чего-то невообразимо большего. Он скорректировал частоту — и узор стал чётче. Узелковое письмо. Qiri. Та самая структура, которую астрофизики обнаружили в 2024-м: полтора миллиарда световых лет, двести квадриллионов солнц, сплетённых в исполинскую нить. Она висела в космосе, как предложение, которое никто не мог прочитать. И сейчас приёмник Ари — жалкая самоделка из хлама доэпохи Lux — показывал её проекцию в реликтовом излучении.

Ари закрыл глаза и позволил ритму войти. На секунду ему показалось, что он слышит голос матери — не слова, а интонацию. Ту самую, с которой она говорила: «Смотри, Ари, как падает звезда». Он тогда спросил, куда они падают. Она ответила: «В никуда. Поэтому надо запоминать». Он запомнил. Потом запоминание стало платным.

Q-conn пискнул и вывел:

Эмоциональный отклик зафиксирован. Источник: неопознан. Советуем переключиться на лицензированный контент. Желаете приобрести пакет «Ностальгия»? Всего 12 Lux.

— Нет, — сказал Ари. — Желая, чтобы ты заткнулся.

Штраф за нелегализованную лексику: 1 Lux. Баланс: 46 Lux. Хорошего дня.

Он выключил Q-conn. Полностью. Без нейроинтерфейса мир становился глухим и немного мёртвым, но зато честным. Тишина звенела в ушах. И в этой тишине он услышал другое.

Карканье.

Три ворона сидели на остовах опоры ЛЭП — ржавой, давно не проводящей ничего, кроме птиц. Они смотрели на Ари с тем особым выражением, которое бывает только у воронов, — будто они знают о тебе что-то, что ты сам забыл. Или продал.

— Привет, — сказал Ари.

Ближайший ворон склонил голову набок и издал звук. Не карканье. Один короткий щелчок, пауза, два длинных рокота.

Ари замер. Физически. Ноги перестали идти сами. Он медленно, будто пробуя голос после долгого молчания, произнёс:

— Стой. Слушай... Ты это мне?

Ворон не ответил. Только смотрел — чёрный глаз, золотой ободок, — и ждал.

Когда-то — ещё до того, как его диссертация едва не обрушила рынок памяти, а МпетоСорг вышвырнула его из Мегалополиса в качестве контраргумента, — он читал статью в старом «Nature». Бумажном. Бесплатном. Пахнущем типографской краской и наивностью. Орнитологи доказали: у воронов есть язык. Не сигналы — язык. Существительные, глаголы, синтаксис. Они называют умерших сородичей по имени — особым сочетанием щелчков, которое не повторяется для других. Они передают информацию об угрозах с точностью, которой

позавидовала бы разведка. Их словарь не поддаётся лицензированию, потому что MnetoCorp не может заставить птиц подписать пользовательское соглашение. Пока не может.

RookNet выросла из этого открытия. Подполье использовало вороны частоты для шифрования — не потому что они были неуязвимы, а потому что Reflect не мог отличить подпольщика от птицы. Дроны игнорировали воронов. А вороны — за крошки, за блестящее, за просто так — ретранслировали сигнал дальше. Симбиоз. Или просто совпадение. В мире, где всё имело цену, вороны работали бесплатно. Это делало их опаснее любой армии.

Ари разжал ладонь — крошки от вчерашнего пайка. Ворон спикировал, схватил, взлетел обратно. И выдал другой сигнал: два щелчка, пауза, длинный рокот. Иди. Тебя ждут.

— Понял, — сказал Ари. — Уже иду.

Приёмник пискнул. Сигнал RookNet — на этот раз не голос, а текст, зашифрованный в вороньем паттерне и переведённый в слова. Всего одна строка:

Лира вышла на связь. Жди в Ущелье Зеркал. У неё фрагмент книги.

Ари выдохнул. Лира. Два года. И вот теперь она нашла фрагмент. Не брата — книги. Вавилонской библиотеки. Может быть, это был один и тот же поиск. Может быть, книга и брат были частями одного пазла. Ари не знал.

Но собирался узнать.

Он сложил приёмник, поднялся и посмотрел на воронов. Те уже смотрели на него — все трое.

— Передайте ей: иду, — сказал он. — И пусть приготовит что-нибудь, чего нет в лицензионном контенте.

Ворон каркнул. Без щелчков. Просто каркнул — как птица, а не как шифровальщик. Может, совпадение. Может, сарказм. С воронами никогда не поймёшь.

Ари шагнул в темноту. За спиной осталась река, текущая в гору. Впереди лежало Ущелье Зеркал — место, которое не существовало ни на одной карте, потому что Reflect не мог признать, что где-то всё ещё есть небо без подписки. Где-то там ждала Лира. И фрагмент книги. И ответ на вопрос, который Ари боялся задать: если СМВ — это библиотека, то кто её написал?

И почему она начала отвечать именно сейчас?

Ворон за спиной каркнул снова — на этот раз с двумя щелчками и длинным рокотом. Паттерн, которого не было в лицензионном контенте.

Дикое слово. Бесплатное. Ари не обернулся. Но улыбнулся.

ГЛАВА 3: КОДЕКС ГЛУБИН

«Молчание — самый громкий сигнал бедствия. И самый дорогой. Нам повезло: мы пока можем себе его позволить».

— Из манифеста «Принципы Вороньей сети», анонимно (2041)

Ущелье Зеркал встретило Ари тишиной и сотней собственных лиц.

Старые солнечные панели, битые и выпотрошенные, валялись повсюду — Reflect сбрасывал сюда отбраковку, тонны кремниевого лома, который никто не удосужился утилизировать. Осколки усеивали склоны, и в каждом из них отражалось небо — точнее, то, что от него осталось. Сотня искорёженных небосводов, сотня искажённых лун.

Ари остановился у самого крупного осколка — тот лежал на склоне, как мёртвое насекомое, задрав стеклянные лапки кверху. Из отражения на него смотрел человек, которого он не сразу узнал. Осунувшееся лицо. Глаза, ушедшие в тень. Трёхдневная щетина, в которой серебро мешалось с пылью.

— Мир, где правду можно увидеть только в браке, — пробормотал он отражению. — Или в битом стекле. Что, в сущности, одно и то же.

Лира ждала его у входа в штольню — старую шахту, выдолбленную в скале ещё до эпохи Лух. Ари увидел её и остановился. Два года — не шутка, даже для человека, который добровольно стёр себя из системы. Те же короткие волосы. Тот же тяжёлый взгляд. Но что-то изменилось. Может быть, угол, под которым она держала плечи. Может быть, новая складка у рта.

Она молча смотрела на него секунду. Две. Три.

— Река? — спросила она.

— Потекла в гору, — ответил он. — Пришлось делать крюк.

— Идём.

Она развернулась и шагнула в темноту штольни. Не обняла. Не спросила, как он. Просто пошла вперёд, ожидая, что он последует. И он последовал.

С Лирой всегда было так: чувства — потом, сначала — дело.

Внутри штольни пахло ржавчиной и старым деревом. Стены были увешаны картами — бумажными, настоящими, с пометками от руки. Такого не делали уже лет двадцать. Ари заметил отметки на побережье Гренландии, на Шпицбергене, на каких-то точках в Атлантике, которых не было в официальных навигаторах. И — отдельно, на пробковой доске у стола, — старая астрофизическая схема. Qiри. Узелковое письмо.

Полтора миллиарда световых лет. Узлы, сплетённые в нить. Подпись внизу — доктор Элис Торн, 2038. Та самая, чьё последнее письмо он читал в архивах RookNet. Рядом — приписка рукой Лиры: «Структура хранилища совпадает?»

— Ты тоже это заметила? — спросил Ари, кивнув на схему.

— Заметила. Не поняла. — Лира пожала плечами. — Думала, просто совпадение.

— В этом мире не бывает совпадений. Особенно таких.

Он задержался у схемы на секунду дольше, чем нужно, — и пошёл за Лирой.

Она остановилась у грубого стола, на котором лежал матовый кристалл размером с ладонь.

— Вот это.

Ари подошёл ближе. Кристалл был тёплым на ощупь и слабо пульсировал — не светом, а чем-то другим, что он почувствовал не глазами, а кожей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.